

МАРС АХМЕТШИН

ЧЕТВЁРТЫЙ СТОЛ

ПОВЕСТЬ

Рамазан Галиевич Тимерханов работает в Союзе писателей в должности литературного консультанта. Сегодня он уходит домой с работы не в лучшем настроении. Ещё бы! Через месяц писателю Гали Курманаю исполняется семьдесят, а тут, как говорится, “конь ещё не валялся” — подготовка к юбилею фактически даже не начиналась. “Нет спонсоров”, — оправдывается сам Гали-агай. Да только Рамазану Галиевичу от этого ничуть не легче. Если что не так, спрашивать будут с него. А он должен был — что уж там говорить! — подсуетиться раньше. Юбилейный вечер запланировали ещё в прошлом году и предварительно договорились провести его в Доме актёра.

Планировать-то можно что угодно. Но попробуй-ка осуществить задуманное! Взять хотя бы проблему с буклетами, пригласительными билетами и афишами. Этот вопрос висит пока в воздухе, ибо всё упирается, как водится, в финансы.

Согласно постановлению правительства, средства для проведения торжественных мероприятий выделяются заслуженным людям не к каждому юбилею, а на пятидесятилетие, на семьдесят пять или сто лет. Во всех остальных случаях о финансировании приходится заботиться самим юбилярам. Если у них, конечно, есть желание отмечать крутую дату с размахом. Что касается Гали Курманая, то своё мнение он высказал сразу, наотрез отказавшись от официальных торжеств.

АХМЕТШИН Марс Аглиуллович родился в 1948 году в деревне Сафарово Миякинского района Башкирии. Окончил Башгосуниверситет. Работал в газетах, был главным редактором Госкомитета БАССР по радиовещанию и телевидению. С 1991 года возглавляет Башкирское отделение Литературного фонда России. Автор многих книг. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живет в Уфе.

Всё так, но только члены правления Союза писателей отказ его не приняли. Они настояли на своём и были, в принципе, правы. Ведь, как ни крути, Гали Курманай — личность известная. Он из тех прозаиков, чьи книги никогда не залёживаются на книжных прилавках. И несмотря на то, что как писатель Гали-агай не особенно плодовит, авторитет его в литературном мире достаточно высок. При этом держится он весьма скромно. Иной раз — даже чересчур. Приходя на собрания, например, старается сесть подальше, на трибуну не лезет и на общих снимках всякий раз оказывается где-то на заднем плане. А когда понадобились фотографии для юбилейного буклета, наскрёб всего лишь парочку. Это уже просто какая-то патология! За семь десятков лет можно было, наверное, набрать снимков не на один альбом...

Рамазан Галиевич вошёл в подъезд, поднялся к своей квартире и, не переставая досадовать на старшего коллегу, резко нажал на звонок. Он подождал немного, нажал во второй раз, но никто ему так и не открыл. Пришлось извлекать из кармана ключ и самому отпирать дверь. Записку на тумбочке в прихожей он заметил лишь после того, как разулся. “Рамазан, мы с Лейлой пошли по магазинам искать мне туфли. Суп в холодильнике. Разогрей сам. Аклима”, — написала жена.

Эта записка оказалась каплей, переполнившей чашу его терпения. Она привела Рамазана Галиевича в ярость. “Ох, уж эта Лейла!” — в сердцах проговорил он сквозь зубы, сетуя на дочь. Вечная история: ей ничего не стоит подбить мать на какую-нибудь авантюру вроде похода по магазинам, в театр или на концерт. Улизнут вот так, с бухты-баракты, без всякого предупреждения. Хоть бы об этом подумали, что ли, — каково ему после работы томиться в одиночестве несколько часов!

Рамазан Галиевич, недолго думая, направился к выходу. А зачем ему, собственно, сидеть дома и терпеливо дожидаться их прихода! Он знает, как развеять тоску-печаль. Стоит только перейти дорогу, и ты уже в “Уньше”, где всегда найдётся добрая кружка пива.

В это кафе Рамазан Галиевич захаживает регулярно — раз-другой в месяц. Как всегдадатага его здесь хорошо знают. Вот и сегодня, едва он расположился за одним из столиков, подоспела официантка Азалия.

— Здравствуйте, Рамазан-агай! — приветливо улыбнулась молодая женщина, блеснув жемчужными зубами. — Вы уж меня извините, но эти столы мы сейчас будем готовить для банкета. Придётся вам пересест в другое место... Видите четвёртый стол у стены?

— Ладно, ладно, сейчас пересяду, — сразу же согласился он и спросил: — Как поживаешь, Азалия?

— Спасибо, пока нормально. Ничего нового. Работаю. Всё так же спую без конца туда-сюда: из кухни — в зал, из зала — на кухню... — устало произнесла официантка и поинтересовалась: — Сами-то как?

— Тоже всё по-старому. Хожу, как заведённый: утром — на работу, вечером — с работы. Решил вот к вам наведаться...

— Вот и ладно, я сейчас всё принесу — и ваше любимое пиво, и рыбку. А вы пока устраивайтесь за тем столиком, — быстро проговорила официантка и, грациозно покачивая стройной фигуркой, удалилась на кухню.

Тем временем Рамазан Галиевич перебрался за четвёртый стол возле стены.

Азалия не заставила себя долго ждать.

Выпив залпом чуть ли не половину кружки, Тимерханов отправил в рот ломтик копчёной рыбки, начал жевать и вдруг снова вспомнил о Гали Курманеае. Только на этот раз ветеран недолго владел его мыслями.

— Разрешите пристроиться? — раздался вдруг рядом мужской голос. Рамазан Галиевич встрепенулся и поднял взгляд на незнакомого мужчину:

— Пожалуйста.

Тот пояснил, усаживаясь напротив Тимерханова:

— В зале столько свободных столов, а мне почему-то указали именно этот. Я вам не помешаю?

— Ну, что вы! Конечно, нет.

Мужчина осторожно поставил пиво на стол. Взяв из солонки щепотку соли, он посыпал её на край кружки и сделал несколько неспешных глотков.

На вид ему было лет семьдесят. Среднего роста. Волосы редкие, седые. На лбу, вокруг глаз и губ — глубокие борозды морщин. Выцветшие брови. В карих глазах — печаль. Лицо аккуратно выбрито. Одет опрятно. Чистая синяя рубашка, хотя и немного вылиняла, тщательно отутюжена.

Отпив пива, незнакомец причмокнул от удовольствия.

— До чего же мне нравится разливное пиво. Сегодня оно особенно вкусное, холодненькое. Сразу чувствуется — свежее. Не зря его *живым* называют. Баночное или в бутылках я не признаю. Чёрт знает, что туда наливают. И потом, чаще всего такое пиво оказывается просроченным. — Рассуждая таким образом, мужчина снова обсыпал солью край кружки.

Какое-то время Рамазан Галиевич пребывал в замешательстве, не зная, как реагировать на его слова.

— Вы верно подметили, *живое* пиво с баночным не сравнишь. И вправду, вкусное и холодное, — решил он, наконец, поддержать разговор, а сам подумал с удовлетворением: “Вот и хорошо, хоть есть с кем поболтать”.

— Знаете, по-моему, я вас здесь и раньше видел. Лицо вроде бы знакомое, — сказал, пристально глядя в Рамазана, незнакомец. — По-моему, мы с вами даже сживали за одним столом.

— Всё может быть.

— А меня вы не помните?

— Нет.

— Ну, что ж, тогда давайте знакомиться. Меня зовут Мустафа, Мустафа Усманович Каримов.

— А я — Рамазан... Рамазан Галиевич Тимерханов.

Они пожалы друг другу руки.

— Вы часто бываете в “Уньше”? — спросил Мустафа и в ожидании ответа взялся за кружку.

— Да как сказать... Летом, в такую вот жару, частенько после работы заглядываю. Зимой — редко. А вы?

— Каждый раз, когда на рынок приезжаю. Сам-то я в Нижегородке живу.

— Вон как, — сказал Рамазан Галиевич, после чего сделал несколько глотков и, поддев вилок очередной ломтик копчёной рыбы, отправил его в рот.

Так, слово за слово, мужчины разговорились. Обсудив растущие цены, сошлись на том, что инфляцию уже ничем теперь не остановишь. Потом переклочились на другие глобальные проблемы. Когда же наступила заминка, Рамазан Галиевич полубонытствовал:

— А где вы работаете, Мустафа Усманович, если не секрет?

— Нигде.

— На пенсии, что ли?

— Да нет...

Тимерханов растерялся. Почему не на пенсии? Ему же где-то уже под семьдесят.

— А сколько вам лет? — спросил он.

— Пятьдесят.

Ну и дела! Не может быть. Шутит, наверное... Но, судя по всему, ему не до шуток.

— Сами-то вы, Рамазан Галиевич, где работаете? — поинтересовался Мустафа.

— В Союзе писателей. Я литературный консультант.

— Вы что, писатель?

— Да так, пишу понемножку.

— И книги у вас есть?

— Есть.

— Надо же, с кем свела судьба! Сажу за одним столом с живым писателем. Просто не верится! — В волнении Мустафа схватился за кружку. — Придётся тогда познакомиться с вами поближе.

Размякший было от удовольствия Рамазан Галиевич насторожился.

— Так ведь мы с вами вроде бы уже познакомились. Вы — Мустафа, я — Рамазан.

— А я говорю про настоящее знакомство.

— Так вы хотите, чтобы я рассказал вам про семью, про родню и дал свой адрес? — с озабоченным видом произнёс Рамазан Галиевич.

— Нет, что вы. Вы меня не так поняли, — усмехнулся Мустафа. — Как раз наоборот — я сам могу рассказать вам о себе, о своём прошлом. — Он откинул назад волосы. — Потому что вы писатель.

— Ну, да, писатель. И что из этого следует? — продолжал недоумевать Тимерханов.

— Кто знает, может быть, вас заинтересует моя судьба, и вы возьмётесь написать обо мне. Скажем, в газету или ещё куда.

— Вы, что, герой труда или ветеран-афганец?

— Не то и не другое.

— А кто же вы тогда?

— Бывший зек, — глядя в сторону, с грустной усмешкой промолвил Мустафа. — Я несколько раз сидел.

— Что-о?! — чуть не задохнулся от неожиданности Рамазан Галиевич. Но он быстро взял себя в руки и осведомился: — За что сидели-то?

— Сажали, вот и сидел. В первый раз — за дело. А потом — без всякой вины. Если у вас есть время, я мог бы рассказать обо всём по порядку. — Мустафа глотнул пива. — Давно хотел душу кому-нибудь излить. И, считаю, мне просто повезло, что вы писатель.

Рамазан Галиевич приготовился слушать. В кафе было немногочисленно. До начала банкета оставалось ещё время. За столиками возле стены сидели мужчины, где по двое, а где — втроем, и, пошивая шиво, мирно беседовали. Азалия и другие официантки ворковали о чём-то с барменом.

Мустафа сделал ещё несколько глотков и начал свой рассказ.

— Так вот. Родился я, значит, в деревне. У отца и матери нас было трое. И все — сыновья. Самый младший — я. Старшие братья были близнецами. Окончив в деревне восьмилетку, оба уехали в Уфу, поступили в профтехучилище. Решили выучиться на каменщиков. Жили в общежитии, домой приезжали каждую неделю. Тогда через нашу деревню часто ходили уфимские автобусы и грузовики. Братья помогали родителям по хозяйству. Старики много хворали. Мать всю жизнь высоким давлением мучилась. Отец страдал от сахарного диабета. Потом ему даже инвалидность дали. Тяжести нельзя было поднимать. Из еды мало что можно было. Я — ещё маленький. Так что братьям моим доставалось. Они и дрова, и сено заготовливали, и навоз из-под скотины выгребали. Место у нас не лесное. Оттого печь топить приходилось чем попало, в основном же — ивовыми ветками. В любую погоду запрягали лошадь в телегу или сани и тащились к ивняку. Жили очень бедно, еле концы с концами сводили. У матери не было никакой специальности. Она нигде не работала. А отец чуть ли не задарма трудился там, куда посылал его колхозный бригадир и где полегче было.

Когда я заканчивал седьмой класс, в семье нашей случилась страшная беда. Однажды мои братья, возвращаясь на выходные домой на грузовике, попали в аварию. Погибли оба. Мать не выдержала страшного удара, слегла да так и не оправилась — скончалась примерно через месяц после случившегося в райбольнице.

И остались мы с отцом вдвоём. Жить стало ещё труднее. Бывало, остановит меня кто-нибудь из односельчан на улице, хлопает по спине и приговаривает: “Ай-хай, каково теперь будет Усману. Такое горе, а сам инвалид. Ладно, хоть ты, Мустафа, подрасти успел, для работы годишься”. И я поневоле почувствовал себя взрослым, хоть и перешёл всего лишь в восьмой класс. Почти вся работа по дому легла на мои плечи. Мне ещё повезло, что рядом всегда был мой друг Раис. Он жил по соседству и старался помогать, когда мне приходилось выполнять какую-нибудь тяжёлую работу. Раис заглядывал к нам постоянно, по несколько раз на дню. Мы выросли вместе. У нас с ним был даже свой “телефон”. Протянули мы между крышами наших сараев катушечную нитку, концы пропустили в спичечные коробки. В условленный час он поднимался на крышу своего сарая, я — своего, каждый прикладывал к уху спичечный коробок, и мы начинали разговаривать: “Алло, алло!..” Слышимость была нормальной.

В год, когда у нас в семье случилась трагедия, решил я во время летних каникул подзаработать — нанялся пастухом пасти колхозных телят. По правде говоря, на эту работу “назначили” моего отца, но пасти должен был я. Этой новостью я поспешил поделиться с Раисом, но он опередил меня, сказав: “Можешь ничего не говорить. Я всё знаю, мы ведь вместе будем работать...” “Как так?” — удивился я. “Когда Усман-агай сообщил моему отцу, что тебя на лето берут на работу, тот сразу же пошёл к председателю колхоза и потребовал: оказывается, вам нужны два пастуха. Давай оформляй и моего сына, нечего ему в каникулы прохлаждаться, воздух пинать. Пускай ребята вдвоём поработают”. Ты же знаешь, у моего отца тоже нет постоянной работы”.

От радости я схватил друга в охапку. Это же здорово — всё лето мы проведём вместе! Вот так и началась наша трудовая биография — с работы пастухами!

Ферма находилась в восьми километрах от деревни. Хотя — какая это была ферма! Слишком громко сказано. Деревянная избушка да загон для скота. Рядом протекала речка. Берег на той стороне — плоский, дальше — взгорье, а у подножия — березняки да осинники. Мы должны были пасти там телят, потом гнать их несколько километров на водопой.

Поначалу работа казалась нам лёгкой, но очень быстро приелась. Мы проводили все дни на пастбище до самого начала учебного года. Обезжжали стадо на лошадях. Выгоняли телят на заре, почти двести голов. Водим по пастбищу среди деревьев, а часов в одиннадцать идём к речке. Трава там сочная. Телята быстро насыщаются и не торопятся уходить с берега. Пока они отдыхают, мы перекусываем. Паёк — так себе: чай с сахаром из бутылки, хлеб, яйца да зелёный лук. Мясо нам редко когда попадало. Да и откуда возьмёшь, если нет лишней скотины — коз или овец. Лишь изредка отцы привозили нам сметану, масло, курятину. Хорошо ещё, что была ягодная пора. Земляники и ежевики ели мы до отвала. Только ведь одними ягодами сыт не будешь. От недоедания похудели. Попробуй-ка целые дни напролёт скакать верхом! Молодняк-то резвый. Это тебе не медлительные, грузные коровы. Иной раз разыграются, совсем как ребятки: прыгают, бодаются и брыкаются. А некоторые, когда оводы одолевают или жара, убегают, так что приходится за ними гоняться и кнутом возвращать обратно в стадо. От крика даже голос садился. А иногда, бывало, и запоешь с тоски хриплым голосом. В дождливые дни было особенно мутрно. Мы мокли и мёрзли. Но даже тогда не уходили с пастбища, так как нам нужен был привес, за который доплачивали. В неделю раз навевывались из колхоза для проверки. Взвешивали каждого бычка и постоянно хвалили нас. Еще бы, за сутки некоторые телята набирали по целому кило, а то и по полтора.

Когда нас навещали, мы радовались, так как говорить нам с Раисом было уже не о чем. Иногда мы с ним даже без чая обходились. Ложась спать, заводили будильник. Без него никак нельзя. Разоспимся, а вставать надо чуть свет. Бывало, так замотаемся, что засыпали прямо верхом. Иногда даже с лошади падали. И решили мы тогда спать по очереди. Устраивались где-нибудь в тенёчке на траве. О бане не могло быть и речи. Какая уж там баня! Намылимся хозяйственным мылом, ополоснёмся в речке — и всё. Одежду на смену отцы привозили. А когда волосы у нас отрастали, они же их подрезали ножницами.

Два с половиной месяца провели мы на колхозном пастбище. Конечно, было тяжело, что уж там говорить. Наши ровесники тем временем всю отдыхали, купались, загорали, ловили рыбу, развлекались. Некоторые даже ездили в город к родственникам. Мы с Раисом, конечно, немножко им завидовали, но при этом нисколько не унывали и были даже довольны, ведь наши отцы благодаря нам раза три или четыре получали в колхозной кассе деньги — довольно-таки приличную сумму. Нашего заработка хватило на обе семьи. Приделеси немного. И с харчами получше стало. Вместо постной затирухи ели иногда суп с кусочками мяса и вермишелью. Кроме ржаного хлеба стал у нас появляться и белый. Позволяли себе сахар и даже конфеты. В начале лета отцу прибавили пенсию по инвалидности. И, вдобавок ко всему, он и сам начал участвовать в разных колхозных работах.

На всю жизнь мне запомнился первый учебный день в школе. Он стал для нас настоящим праздником. На торжественную линейку пришёл председатель колхоза. В своем выступлении он перечислил учеников, которые помогали летом колхозу. Особо отметили нас с Раисом. Мы получили от начальства часы в подарок, а директор школы вручил нам похвальные грамоты.

Как же мы гордились собой в тот день! Но самым приятным и важным для меня стало повышенное внимание со стороны моей одноклассницы Гульсии. Когда вручали часы, она не сводила с меня глаз, всё время улыбалась и сильнее всех хлопала в ладоши. Было видно, что искренне за меня радуется. Я был просто на седьмом небе от счастья.

В нашем классе были, конечно, девочки красивее её. Но лично я никого, кроме Гульсии, не замечал. Она казалась мне самой милой и обаятельной. Брови у неё были не очень густые, но красиво очерчены. Мне нравилось в ней всё: и толстые косы, и вишнёво-алые губы, стройная фигура и высокая, развитая не по годам грудь. Среди девчонок она была самой активной. Успеваемость — так себе, ниже среднего, зато в общественных делах — заводила. Любила спорт. Во время соревнований по бегу или по лыжам никому не уступала первенства. Да и в самодеятельности была настоящей звездой. Сцену Гульсия обожала. Хорошо пела и плясала. А когда ставились спектакли, все главные женские роли доставались ей. Бойкая, отчаянная, за словом в карман не лезет. Язычок — что бритва. Одним словечком любого разила наповал. Наверное, поэтому даже самые смелые и решительные ребята не смели к ней приблизиться, хотя и поглядывали в её сторону.

А ведь в школе были парочки, которые обменивались письмами и записочками, дарили друг другу всякие штучки вроде вышитых платочков, а то и встречались тайком по вечерам. В седьмом классе я тоже порывался несколько раз отправить Гульсие письмо, но так и не решился. Боялся, что откажет мне, развонит о моей любви подружкам, засмеёт, осрамит перед всеми. Такое у нас случалось...

— Я, между прочим, тоже в седьмом-восьмом классе вздыхал по одной девчонке. Первая любовь... — решил вставить слово внимательно слушавший Мустафу Рамазан Галиевич. — Только она была постарше и училась на класс выше. Наверное, поэтому мне и в голову не приходило признаться ей в своих чувствах. Школу она закончила, естественно, годом раньше и сразу же уехала куда-то. Пути наши разошлись в разные стороны и навсегда. На то она и детская любовь.

— А у меня, Рамазан Галиевич, всё по-другому вышло, — покачал головой Мустафа и продолжил: — Как-то в середине зимы родители нашей одноклассницы Салимы уехали в другой аул к родственникам на свадьбу. И вечером того же дня мы собрались у них дома на аулак. Гульсия тоже пришла. О том, чем мы там занимались, рассказывать не буду. Вы и сами прекрасно знаете, как проходят такие посиделки.

— Ещё бы, я ведь тоже вырос в деревне, — подтвердил, улыбнувшись, Тимерханов.

— Так вот, когда вечеринка кончилась, я решил проводить Гульсию. И когда ближе к полуночи все стали расходиться, увязался за ней. Сам удивляюсь, как у меня на это духу хватило. Как сейчас помню, о чём тогда думал: “Если я сегодня этого не сделаю, то уже никогда не смогу. Или сейчас или никогда!..” И что вы думаете? Всё вышло как надо. Когда мы вместе выходили, Гульсия, смеясь, спросила: “Неужто ты хочешь проводить меня, Мустафа? Вот здорово!” Я вначале остолбенел, не знал, как расценить её слова. То ли издевается, то ли на самом деле согласна. И только после того, как она сказала: “Раз уж такое дело, пошли вместе”, — я облегчённо вздохнул и зашагал рядом с ней.

Под ногами поскрипывал снег. На улице было безветренно, тихо. Небо — тёмное-претёмное, а из-за снега казалось, будто всё вокруг освещено лунным светом. Романтика, да и только! Мы молча брели вдоль забора. И вдруг Гульсия хватала меня под руку. “Раз уж вызвался провожать, чего молчишь, будто язык проглотил? Скажи что-нибудь”, — усмехнулась она. Я же, как будто только этого и ждал, взял да брякнул, будь что будет:

“Я тебя люблю”. Гульсия резко остановилась, выдернула свою руку и уставилась на меня. Она хотела что-то сказать, но передумала и пошла дальше. Я с дрожащими коленками поплёлся за ней. Какое-то время мы оба молчали. И мне эти несколько минут показались целой вечностью. “Всё кончено, Мустафа. Поворачивай назад. Она тебя не любит”, — только успел подумать я, как Гульсия вдруг остановилась, приблизилась, схватилась за воротник моей телогрейки и притянула меня к себе. Потом положила обе руки мне на плечи и прошептала: “Ты мне тоже нравишься”. Я, не зная, что делать, невольно схватил её в объятия.

До сих пор не могу взять в толк, как я на такое решился. Мы замерли. Я изо всех сил прижал Гульсию к своей груди. Что я тогда чувствовал, словами не передать. Щёки у нас пылали. Она словно обжигала моё лицо горячим дыханием. И вот наши губы сблизились... Это был первый поцелуй в моей жизни. Такого наслаждения я никогда прежде не испытывал. Даже представления не имел, что в жизни бывают такие сладкие мгновения!..

Короче, с того самого вечера мы подружились. Только, в отличие от других, не прятались, не писали друг другу никаких записочек, не дарили на память всякие безделушки. Нашу дружбу мы ни от кого не скрывали, потому что Гульсия была не из тех, кто боялся чужих пересудов, и таиться от других не привыкла.

Да, какое благословенное это было время, когда каждый вечер спешишь на свидание. Тогда мы просто купались в океане любви! Как будто весь мир был совершенным, всё вокруг казалось таким чудесным, и любое дело было по плечу! Я даже в учёбе подтянулся и с лёгкостью справлялся со всеми делами по хозяйству. Возмужал. Умудрялся подменять на работе отца. Но и тогда далеко не всё было так уж безоблачно. Настроение омрачали две вещи. Во-первых, состояние отца с каждым днём ухудшалось, хотя он и крепился, стараясь не подавать виду, как ему худо. Во-вторых, я заметил, что Раис охладел ко мне. Но я не очень-то переживал.

Так пролетел год. Мы закончили восьмой класс. Я хотел продолжать учёбу. В то лето работы в колхозе для меня не нашлось. Да и времени, в общем-то, не было. В июне сдал экзамены, а в августе пришлось готовиться к новым, чтобы попасть в девятый класс. Дело в том, что мы, одиннадцать человек из восемнадцати выпускников восьмого класса, подали документы в среднюю школу, которая находилась в деревне Байтал, в четырёх километрах от нашей. То же самое сделали ребята из пяти других окрестных аулов. А принимали всего лишь двадцать пять человек. В Байталовской школе хотели, конечно, увеличить штат учителей и открыть несколько параллельных девятых классов, но район не давал на это разрешение. Отговаривались тем, что нет средств.

В общем, желающих продолжить учёбу набралось больше сотни. А на всю округу другой средней школы, кроме Байталовской, не было. Потому и решили там устроить по всем предметам экзамены. Мне повезло — из всех наших односельчан я один их выдержал. Десять моих товарищей вернулись домой ни с чем. Среди них была и Гульсия. Но она не унывала. Не такой характер, чтобы из-за этого убиваться. Взяла и быстренько переметнулась в Салаватское медучилище. Перед отъездом сказала мне: “Давай учись, заканчивай десятилетку, тебе обязательно надо поступать в вуз. А я поработаю немного после училища и тоже подамся в мединститут”. После этого я отказался от своей затеи ехать вслед за ней в Салават, где предполагал устроиться на химкомбинат.

Вот так оказались мы порознь и общаться стали лишь письмами. При каждом удобном случае Гульсия приезжала в деревню, и тогда мы с ней встречались.

В течение двух лет я пешком ходил в Байтал. Было очень тяжело. Почти весь день проводишь в школе, а дома дел — невпроворот. Раис мне не помогал, да и не смог бы, если бы даже захотел, потому как сам в то время учился на шофёра. А когда вернулся через год с лишним в деревню, с головой ушёл в работу. Всё время проводил в рейсах. Как я уже говорил, отношения у нас к тому времени сильно изменились. Конечно, я догадывался,

в чём дело: между нами встала Гульсия. Но мне трудно было его понять. Я думал: вот дурак, разве можно отказываться от дружбы, если девушка предпочла меня?!

А отцу между тем становилось всё хуже и хуже. Он решил по-своему помочь мне, освободить от лишних забот и за два года избавился от скотины и птицы — часть распродал, остальных забил. При этом всё время внушал мне: “Не вздумай бросать учёбу, сынок”.

Хозяйство наше окончательно пришло в упадок: дом обветшал, изгородь покосилась. А однажды отец вошёл в дом, рухнул на кровать и за три дня до выдачи мне аттестата умер. Доконал-таки его диабет.

Свет померк для меня в тот день. Всё обрушилось в одночасье. Теперь у меня не было ни отца, ни друга, ни живности. Последнее, что ещё оставалось, — наша старенькая изба, которой я вскоре тоже лишился. Я уступил её за бесценок односельчанам Аксан-агаю и Марьям-апай, которые после долгой отлучки вернулись в деревню и проживали во временке. Продав дом, тут же уехал в Уфу. Там я отнёс документы в Башкирский университет, хотел поступить на физмат, да не прошёл по конкурсу. Нужно было искать работу. За деньги оформил временную прописку и устроился на ткацкую фабрику грузчиком. Выбора у меня не было — ведь с такой пропиской никуда больше не брали.

Работая, я не переставал надеяться, что на следующий год мне всё же повезёт, и я сумею попасть в университет. Гульсия тем временем училась в Салаватском медучилище. Мы продолжали с ней встречаться, пусть и не так часто, как раньше, — то в Уфе, то в Салавате. И переписывались.

Но верно говорят, что от судьбы никуда не денешься — мечтам и планам моим не суждено было сбыться. В мае следующего года меня забрали в армию. А Гульсия даже проводить не приехала...

Мустафа призадумался и умолк, а когда очнулся, обратился к Тимерханову с неожиданным вопросом:

— Вы курите?

— Курю.

— Тогда, может, выйдем на улицу, сделаем перекур. А заодно и разомнёмся маленько.

— Давайте, — охотно согласился Рамазан Галиевич, поднимаясь с места. — Только сначала Азалию предупрежу, чтобы приглядывала за нашим столом.

— Стоит ли её беспокоить. Никто сюда не сядет. Любой поймёт, что место занято. Мы же пиво не допили.

— Вы так думаете? — пожал плечами Тимерханов.

— Конечно.

Мужчины направились к выходу.

Рабочий день давно уже закончился, а солнце ещё и не думало садиться. Что ни говори, дни в летнюю пору длинные. Жизнь в самом центре города просто кипит. Машины идут потоком. Возвращающиеся с работы люди как будто не торопятся расходиться по домам. Рядом находится продуктовый магазин, двери которого почти не закрываются. Одни выходят, другие заходят. А кто-то останавливается поболтать со знакомыми.

Наблюдая за происходящим вокруг, Рамазан с Мустафой молча курили. Чуть позже, затушив сигареты, перекинулись парой замечаний о погоде, о том, какое жаркое выдалось нынче лето, и вошли обратно в кафе.

Вернувшись за стол, Рамазан Галиевич первым возобновил прерванную беседу.

— Значит, мы остановились на том, что вас забрали в армию, — решил напомнить он и поинтересовался: — Кстати, а где вы служили?

— Давайте-ка сперва пиво допьём, — предложил Мустафа и пошутил: — А то испортится.

Мужчины разом подняли кружки и опустошили их.

— Так где же вы всё-таки проходили службу? — повторил свой вопрос Тимерханов, заинтригованный рассказом нового знакомого.

— А может, ещё по одной кружке пропустим? — медлил тот.

— Я не против. Только уговор — я вас угощаю, ладно?

— Воля ваша.

Рамазан подозвал официантку.

— Азалия, налей-ка нам, милая, пивка.

— Сейчас, Рамазан-агай.

Когда девушка принесла новую порцию прохладного пива, мужчины с наслаждением сделали по глотку, после чего Мустафа, наконец, продолжил:

— Вот так я угодил в армию. А служил я на Украине, в Одессе, в морских погранвойсках. После учебки меня по собственному желанию направили на водительские курсы. Потом два года шоферил при штабе погранотряда, который находился прямо в центре города. И за это время я ни разу не побывал в отпуске.

— Почему?

— В те времена погранвойска подчинялись КГБ. Дисциплина была наистрожайшая. Там не имело значения, сколько у тебя заслуг — похвальных грамот, значков и званий. Всегда находились причины и отговорки, чтобы отложить отпуск: то военные учения, то подготовка к встрече какого-нибудь генерала, то якобы вот-вот появятся нарушители границы... Какой уж там отпуск, когда четырёхчасовое увольнение — и то было редкостью. А всё дело было в том, что наше начальство старалось не допускать лишних контактов пограничников с населением. Перестраховывались, как только могли, всеми правдами и неправдами. Как-никак — государственная граница!

Во время службы меня удостоили самой высокой чести — сфотографировали рядом со знаменем отряда. Наградили также знаками “Отличник пограничник”, “Отличник Советской Армии”, произвели в сержанты и дали первый разряд по самбо. А перед демобилизацией моё имя даже внесли в “Золотую книгу” отряда... — не без гордости перечислил Мустафа свои армейские заслуги и, вдруг спохватившись, смущённо промолвил: — Постойте-ка, а чего это я так перед вами расхвастался! Ещё подумаете обо мне невесть что.

— Зря вы так. Всё нормально. Вы же ничего не присочиняете, — поспешил успокоить его Тимерханов, поудобнее устраиваясь на стуле. — Раз уж обещали рассказать о себе, постарайтесь ничего не утаивать... А как же Гульсия? Вы так и продолжали с ней переписываться?

— Да-а... — тяжело вздохнув, протянул Мустафа. — Первое время мы писали друг другу, а потом переписка наша прекратилась.

Рамазан Галиевич вопросительно глянул на собеседника, и тот пустился в объяснения.

— Со дня моего отъезда не прошло и полгода, как Гульсия, окончив учёбу, вернулась в деревню фельдшером. Устроилась в медпункт, сменив Сабиллю-апай, которая проработала там всю жизнь. Я часто получал от неё письма. Она писала, что очень довольна своей работой, признавалась, что скучает по мне и ждёт не дожждётся, когда приеду в отпуск. Я отвечал, что приехал бы обязательно при первой же возможности, да только меня не отпускают. А примерно за год до демобилизации письма от Гульсии приходиться перестали. Выяснять, что к чему, я не стал. Да и обращаться было не к кому, ведь близких людей в нашем ауле у меня не осталось. В общем, я тоже замолчал. Молодой был и, наверное, слишком гордый.

— Грустная история, — заметил Тимерханов, покачав головой, и предложил ещё раз промочить горло.

Они сделали по несколько глотков.

— А дальше? — горел желанием узнать Рамазан Галиевич о развязке отношений Мустафы с его подругой. — Что было потом, уже после того, как вы отслужили?..

— Вот потом-то всё как раз и пошло у меня наперекосяк.

— Как так?

— Вернувшись из армии, я первым делом отправился на фабрику, откуда меня забирали на службу. Решил снова устроиться туда на работу. Но мне отказали из-за просроченной прописки. Даже водителем не взяли. А кто меня к себе пропишет?! Делать нечего, пришлось возвращаться в деревню.

Семья Аксан-агая встретила меня хорошо. Видимо, из чувства благодарности за то, что я по дешевке продал им свой дом. Собрали гостей из ближней округи. Многим захотелось посмотреть на бывшего соседа. Только Раиса среди них почему-то не было видно.

Застолье превратилось в настоящую пирушку. Выпивки было много, благо я притащил ещё с собой целую сумку. Шум-гам. Выйдя с мужиками перекурить, я стал осторожно расспрашивать их про своих одноклассников. Ну и, понятное дело, больше всех меня интересовала Гульсия. Вот тут я услышал такое, что просто отказывался верить своим ушам. Представляете, мне сказали, что она замужем за Раисом!

— Ничего себе! — невольно воскликнул Рамазан Галиевич. — А что ещё вы о ней узнали?

— Да много чего. Поначалу у Гульсии всё складывалось нормально, хоть работа и была не из лёгких. Ещё бы, ведь наш медпункт обслуживал ещё две соседние деревни. Ей как фельдшеру доставалось по полной программе — приходилось носиться туда-сюда, а транспорта нет. В таких случаях Гульсия была вынуждена обращаться к Раису. Тот и возил её к тяжёлым больным или на прививки по деревням, а когда и в райцентр — за лекарствами, зарплатой или на совещания. За услуги же, сами понимаете, надо платить. Вот Гульсия и расплачивалась за каждую поездку спиртом. Раис поначалу уносил его с собой, вышивал дома. Со временем же, особенно когда они с Гульсией возвращались поздно вечером, стал употреблять прямо на месте, не выходя из медпункта. Ничего удивительного, чем же ещё холостяку заняться! В армию его не брали, поскольку он жил вдвоём с престарелой матерью. А тут Гульсия под боком, в невестах засиделась. В общем, кончилось тем, что вечера они стали коротать в медпункте вдвоём, а на столе, само собой, — спирт. Понятно?

— Как не понять! Известное дело, — кивнул Тимерханов и поморщился. — А от выпивки один шаг и до...

— Вот именно! — не дал ему договорить Мустафа. — Я далеко, чуть ли не на краю света. Служу безвыездно. К тому же моя Гульсия, скорее всего, не очень-то верила, что я вернусь. Вот и стала понемногу ко мне охладевать. Короче, однажды вечером, приняв как следует, Раис овладел ею... Вскоре после этого свадьбу сыграли, да только жизнь у молодых, как мне рассказывали, не заладилась с самого начала. Сплошные скандалы. Я решил, что всё это из-за меня: видно, не совсем забыла Гульсия нашу с ней любовь.

Застолье в тот день затянулось допоздна. В хмельном угаре мне до смерти захотелось повидаться с моей бывшей девушкой. Недолго думая, вышел я во двор, якобы покурить, а сам перемахнул через забор — и напрямик к Раису.

Что было потом, хоть убейте, не помню. Обо всём узнал от других.

Раис открыл дверь, хотя он и его мать уже к тому времени улеглись спать. Гульсии дома не оказалось. И вот, значит, сели мы за стол, стали разговаривать. За беседой уговорили половину початой Раисом бутылки. А как только я заикнулся было о Гульсии, мать его не выдержала и выложила всё начистоту:

— Эх, Мустафа-сын, дружок твой Раис совсем озверел. Как придёт домой, за жену принимается. Избивает её, из дому гонит. Сегодня тоже поставил ей синяк под глазом и выгнал. А сам кричит: мол, почему не рожашь? И корит её за то, что не была девственницей. Ох, как надоело мне всё это! Устала я, просто сил нет...

Услышав такое, я набросился на Раиса:

— Как ты посмел поднять руку на мою Гульсию?! Да тебя самого раздолбать мало. Ты же настоящий предатель! Ты предал самого близкого друга. Негодяй! Подлец!..

А потом, применив один из приёмов самбо, я швырнул его на пол и избил до такого состояния, что он угодил в больницу.

Пока я с Раисом расправлялся, тот, лёжа в луже крови, орал:

— Забирай себе свою сучку, эту алкашку Гульсию! Потаскуха несчастная! Путалась с кем-то, а теперь родить не может.

Утром меня забрали в милицию, увезли в райцентр. Состоялся суд, и загремел я на два года по 113-й статье.

Потом узнал всю правду о своей бывшей подружке. Оказалось, что она тоже не без греха. Ещё будучи в медучилище, залетела, забеременела от кого-то и сделала аборт. А к моему возвращению в деревню уже успела превратиться в пьянчужку.

— Видать, с горя запила, оттого что родить не могла. А спирт всегда под рукой. Да и попробуй-ка выдержать издевательства от нелюбимого мужа... — попытался найти ей оправдание сердобольный Рамазан Галиевич.

— Может, и так... Об одном я тогда горевал: что не смог сходить на могилы родителей и братьев.

В этот момент у Тимерханова зазвонил мобильник.

— Ты куда это запропастился? — накинулась на него жена и добавила не без ехидства: — Хочешь сказать, что идёшь с работы? Что-то уж больно долго добираться... Мы тут с Лейлой по магазинам пробежались. После этого она довезла меня до дома и уже давным-давно уехала. Так что давай возвращайся-ка побыстрее. Никуда не заходи. Я жду.

— Мне пора, — заторопился Рамазан Галиевич, берясь за кружку. — Супруга меня потеряла. Договорим как-нибудь в другой раз. Вот только пиво допьёшь и побеги. А вы как, остаётесь?

— Посижу ещё немного. Меня ведь никто не ждёт. — Мустафа был явно разочарован. — Жалко, что не удалось рассказать вам всё до конца.

— Я же вам не зря сказал, что мы ещё встретимся. Мне обязательно надо дослушать вашу историю. — Сказав это, Тимерханов допил остатки пива, позвал Азалию, расплатился и поднялся с места.

— Если заранее не договориться, вряд ли мы здесь встретимся. Может, оставите свой рабочий телефон? — попросил Мустафа.

Рамазан Галиевич без колебаний достал ручку, написал на салфетке номер мобильного и попрощался.

— До свидания... — нерешительно промолвил его новый приятель.

“А почему я, собственно, так быстро вчера откланялся?” — задал вопрос самому себе Тимерханов, явившись на следующее утро на работу. На жену сослался — нашёл причину! Нет, надо было всё же дослушать Мустафу до конца. Похоже, хлебнул он в жизни немало горя. Недаром несколько раз за решёткой побывал. Надо бы из него всё выпытать. Может, и в самом деле пригодится...

Он пожалел, что не записал номер его телефона, и тут же подумал: “А впрочем, вряд ли он у бедолаги есть. Хорошо ещё, что я не побоялся дать ему свой. Теперь остаётся только ждать его звонка”.

Рабочий день начался, как обычно. Первым делом Рамазан Галиевич разобрал на столе бумаги. Потом он вышел во внутренний дворик и выкурил в одиночестве сигарету. После перекура вернулся в кабинет и просмотрел список намеченных на сегодня дел. Разумеется, все пункты осуществить ему не удастся. Он понимает, что это нереально, но, как всегда, надеется, что успеет.

И тут зазвонил телефон. Тимерханов вздрогнул и поднял трубку. Это был Гали Курманай.

— Рамазан-кустым, здравствуй! Ты, наверное, поминаешь меня, старика, недобрым словом, — хихикнул он. — Вот, решил позвонить тебе с утра пораньше. Хочу предупредить, что собираюсь заглянуть к вам в Союз. Насчёт юбилея потолковать...

— Так прямо сейчас и выходи, Гали-агай, — с готовностью откликнулся Рамазан Галиевич. — Буклет обсудим.

— Сейчас?

— Ну да, а чего тянуть?

— Хорошо, скоро буду...

В трубке послышались короткие гудки.

Тимерханов выложил на стол текстовый материал и фотографии. Всё вроде бы есть — и статья, и фрагменты воспоминаний, и высказывания о творчестве. Только этого ведь мало. С поэтами намного проще — пустые

места можно заполнить стихами. А вот с прозаиками, как показывает практика, значительно сложнее. Ведь отрывок из произведения не присобачишь...

В дверь просунулась голова машинистки Раили.

— Рамазан-агай, вас вызывает шеф.

— Иду.

Председатель правления Союза писателей Рахман Тамьянович встретил литконсультанта с улыбкой.

— Как дела, Рамазан Галиевич?

— Пока не жалуюсь.

— Я хотел поговорить с тобой о нашем юбиляре Гали-агае. Как продвигается подготовка? Времени не так уж много осталось. А проблема с Домом актёра пока ещё не решена. Сам-то заходил?

— Да вот буквально только что звонил. Я попросил его прийти. Скоро будет. Может, зайти к вам?

— Совсем не обязательно. Обсуди этот вопрос с ним сам. Если Курманай намерен проводить творческий вечер, будем рады, поддержим его, поможем в организации. А не хочет — неволить не будем. Ты же знаешь, что семидесятилетний юбилей официально не отмечается.

— Хорошо, я поговорю, — пообещал Рамазан Галиевич и удалился.

Курманай и в самом деле не задержался.

— Салям, Рамазан-кустым! — приветствовал он Тимерханова с порога.

— Здравствуй, Гали-агай, — приподнялся тот из-за стола. — Айда, присаживайся.

— Спасибо, только рассиживаться я не собираюсь. Не хочу отрывать тебя от работы, — торопливо проговорил Курманай, устраиваясь напротив. — Как всё-таки хорошо, что я близко живу. Не успеешь из дому выйти, и уже на месте.

— Фотокарточки-то принесли?

Курманай запустил руку в карман пиджака.

— Кое-как нашёл. Спасибо дочке, выручила. Оказывается, моя Лилия завела специальный альбом для семейных фотографий. — Он разложил перед Тимерхановым снимки и предупредил: — Только уж не забудьте, пожалуйста, вернуть. Дочь строго-настрого наказала забрать их обратно.

— Всё отдадим в целости и сохранности, какой разговор!..

Рамазан Галиевич принялся рассматривать фотографии, внимательно изучая надписи на обороте, затем отобрал из них штук шесть, а остальные вернул хозяину.

— Пожалуй, хватит. Сейчас уже можно приниматься за макет.

— Ты вроде бы говорил, что буклеты обойдутся в десять тысяч?

— Ну, если не десять, то восемь как минимум.

Курманай достал из кармана пачку денег.

— Как ты сказал, так я и принёс, — заявил он. — Здесь ровно десять. Больше у меня нет.

— А как же афиши, пригласительные, аренда?.. Да и артисты задарма выступать не станут. Кроме того, нужно будет оплатить банкет, автобусы.

— Рамазан-кустым, — смущённо начал Гали Курманай, ёрзая на стуле. — Давай-ка мы проясним с тобой это дело до конца. — Он поспешно встал и, прежде чем продолжить, походил по комнате. — Вот что я думаю, дорогой. Не будем ломать голову. Выпустим буклеты, и хватит. Не хочу я ни вечера, ни банкета. Ну, посуди сам. Если бы у меня были десятки романов и повестей — тогда другое дело. Каково творчество — таким и должен быть юбилей. Вот я и подумал: зачем мне высовываться? Соберу родственников и самых близких друзей в какой-нибудь столовой или, на худой конец, у себя дома. И ладно... Зачем создавать людям лишние хлопоты? Я вам и так благодарен за то, что в Союз меня приняли перед моим шестидесятилетием. А больше мне ничего не надо.

— Значит, вы не согласны проводить свой юбилей на республиканском уровне?

— Нет, дорогой мой, не хочу.

— Жаль... И всё же давайте не будем пока отказываться. Подумайте ещё немного.

— Да я уж подумал, Рамазан-кустым. И давно всё решил. Так что не уговаривай. Нет у меня таких денег, не заработал. Спонсоров богатеньких тоже не имеется. Да и, честно говоря, какое у меня право сидеть перед большим залом и выслушивать славословия?

— Ну, что я могу сказать, воля ваша, — развёл руками Тимерханов.

— Спасибо, кустым! — лукаво улыбнулся Курманай, протягивая ему руку.

— А буклет? — спохватился Рамазан Галиевич. — Мы же договорились обсудить вместе, что и как.

— Да ладно уж, какой от меня толк. Уверен, ты и без меня справишься. По этой части я, мягко говоря, не очень-то силен.

Ловко увернувшись, Гали Курманай спросил для приличия о том о сём и распрощался.

Сбитый с толку Рамазан схватился за сигарету и вышел во двор.

Этот Гали-агай в своём амплуа. До чего же славный он человек — такой простой, неприхотливый и деликатный. Боится лишний раз стеснить, побеспокоить кого-то. Но ведь он, в сущности, прав. На проведение семидесятилетия средства, к сожалению, не выделяются. Ну, а без буклета никак нельзя. Так что придётся в первую очередь заняться макетом и сдать его как можно скорее в издательство... Материала хватает. Фотографий тоже теперь достаточно. А насчёт Дома актёра посмотрим. Может, что и получится.

Как писатель, Гали Курманай, безусловно, талантлив. Только творчество его, увы, невелико. Всю жизнь он проработал в газете, возглавлял отдел сельского хозяйства. А что за работа у журналиста, всякий знает. Сплошные командировки по заданиям редакции. Гали-агай объездил республику вдоль и поперёк. И даже после того как пенсию оформил, продолжал работать, на-верное, лет шесть или семь, потому что главный редактор не хотел его отпустить. Ясное дело: Курманай — ценный кадр, вряд ли кто знает сельское хозяйство лучше него. Вот и удерживали, сколько могли, несмотря на возраст. На счету ветерана множество статей. Он поднимал серьёзнейшие проблемы, публиковал замечательные очерки о передовиках труда. Бывало, писал и на другие темы. Материалы Гали-агая выходили чуть ли не каждую неделю. Трудно даже представить себе, сколько бессонных ночей провёл он ради них! И ко всему прочему занимался ещё общественной работой. Около тридцати лет был председателем профкома редакции и членом всевозможных комиссий. При этом добросовестно относился к своим обязанностям, всегда и везде трудился с полной отдачей. Да если бы он хотя бы часть потраченного на всю эту суету времени использовал для литературного творчества, пусть даже один или два дня в неделю, то нынешний свой юбилей встречал бы с целой вереницей томов!

“Вместо двух-трёх статей ты мог бы в месяц писать по одному рассказу как минимум. Знаешь ведь, как любит твои произведения народ. В магазинах книги твои днём с огнём не сыщешь. Их разбирают чуть ли не за неделю”, — говорили Курманаяу. Но тот пропускал такие советы мимо ушей. Не хотел, видно, гоняться за двумя зайцами — слишком любил журналистскую работу.

Что поделаешь, каждый живёт своим умом. Гали-агай прожил на свете семьдесят лет. Кто сейчас помнит его многочисленные статьи, репортажи и очерки? Зато книги востребованы. Только их у него немного. А впрочем, и не скажешь, что мало: он автор семи книг. Кто-нибудь мог бы возразить на это: “Разве дело в количестве? Важнее всего качество”. С этим, конечно, не поспоришь. Но хотелось бы всё-таки видеть побольше таких качественных, *читательных* произведений. А то вон сколько макулатуры пылится на складе книжного издательства в Уршаке. Нет для писателя большей радости, когда он видит, что книги его пользуются успехом.

Выкурив сигарету, Рамазан Галиевич вернулся в кабинет и приступил к своим обычным обязанностям.

Звонок раздался лишь через три недели. Произошло это в пятницу, под конец рабочего дня.

— Здравствуйте, Рамазан Галиевич. Это я — Мустафа. Как у вас дела?

— Мустафа Усманович?! А я и не узнал вас по голосу. Мы же с вами по телефону ни разу не разговаривали, — не скрывая своей радости, воскликнул Рамазан Галиевич. — Здравствуйте, здравствуйте! Куда же вы подевались? Ни слуху, ни духу! — И, словно испугавшись, что тот может повесить трубку, заявил без обиняков: — Нам бы встретиться.

— Встретиться надо. Потому и звоню. Вы не очень заняты?

— Рабочий день кончился. Так что я свободен. Где встретимся? Там же, в “Уньше”? Вы, случайно, не оттуда звоните?

— Да нет, из автомата.

— Ладно. Вы пока ступайте. Я тоже скоро буду.

Прибрав на столе, Рамазан Галиевич вышел из здания Союза и поспешил к трамвайной остановке.

Мустафа подждал его у входа в кафе.

— Ещё раз здравствуйте, Мустафа Усманович! Я не очень задержался? — приветствовал его Тимерханов, протягивая вперёд обе руки.

Тот сделал то же самое.

— Салям, салям, Рамазан Галиевич. Я только что подоспел.

— Ну, тогда зайдём.

Официантка Азалия встретила их улыбкой и, тут же приняв озабоченный вид, захопотала.

— Куда бы мне вас пристроить? В пятницу у нас всегда полно народу. — Она обвела беглым взором зал и, махнув рукой в сторону четвёртого стола, сказала: — Там сидит всего один человек. Он уже давно здесь и, кажется, собирается уходить.

— Спасибо, Азалия!

Увидев решительно приближающихся к его столу посетителей, мужчина вскочил с места.

— Сидите, сидите. Мы вам не помешаем, — торопливо проговорил Мустафа, дотронувшись до его плеча.

Но тот, наскоро расплатившись с официанткой, направился к выходу.

— Сестричка, — обратился Тимерханов к Азалии. — Принеси-ка ты нам сегодня водочки, а на закуску...

— Нет, нет, — перебил его Мустафа. — Водку я пить не буду. Нельзя мне водку. Сердце не позволяет. А от пива не откажусь...

— Тогда и мне пива с сушёными кальмарами. Да принеси чего-нибудь поесть. Можно гуляш. Мы ведь ещё не ужинали после работы. А чай — не обязательно.

— Рамазан Галиевич, я не голоден, — сказал Мустафа, растерянно взглянув на Тимерханова.

— Ничего, поешь со мной. Я угощаю. Надо как следует подкрепиться, а то ведь разговор будет, как я понимаю, долгим.

Мустафа вынужден был согласиться.

Как только Азалия принесла заказ и расставила всё на столе, мужчины подняли кружки с пивом и, чокнувшись в честь встречи, выпили.

— Ну, а теперь поговорим, Мустафа Усманович, — начал Тимербулатов. — Только сначала объясните, почему же вы так долго мне не звонили.

Тот ответил не сразу, прежде дожевал полоску кальмара.

— Приболел я. Сердце у меня барахлит. Я теперь ни на что не годный. Тюрьма сделала своё дело.

— Ну, зачем вы так. Глядя на вас, не скажешь, что вы больны.

— Спасибо на добром слове.

— Чего это мы о болезнях заговорили! — бодро воскликнул Рамазан Галиевич и, кивая на тарелки с гуляшом, предложил: — Давайте-ка лучше сперва подзаправимся. А потом я вас послушаю.

Они перекусили, после чего Мустафа Усманович не спеша приступил к своему рассказу.

— Как вы уже знаете, в первый раз отсидел я два года по собственной вине.

— А потом сумели на работу устроиться?

— Сумел. Я, конечно, слышал до этого, что бывших зеков не очень-то жалуют — редко бывает, что на работу берут. Но лично мне повезло. Когда

вернулся в Уфу, встретил одного знакомого с ткацкой фабрики. Он работал там водителем, а я загружал машины товаром для отправки. Мы с ним, конечно, не дружили, но были в хороших отношениях. Так вот тот человек сказал, что устроился на таксомоторное предприятие. Я попросил его помочь мне с работой, и он поддержал. Во-первых, благодаря ему я стал таксистом, а во-вторых, он помог мне с жильём, предложил пожить у его матери в Нижегородке.

— Домой, в деревню, не ездили?

— Куда там! Стыдно было односельчанам на глаза показываться. Забыл я в родные места дорогу, — с грустной усмешкой ответил Мустафа и, махнув рукой, продолжал: — На такси я неплохо зарабатывал. Скопил денег на кооперативную квартиру и даже начал подумывать о женитьбе. Да вот только планы мои рухнули в одночасье.

— Как же это случилось?

— Спрашиваете, как случилось... Было это зимой. Так вышло, что меня пригласили в райотдел милиции на дежурство. По положению таксистов вроде бы не должны были привлекать. Чёрт его знает! Я в этих делах не разбираюсь... Да если бы и разобрался, не стал бы лезть на рожон. Так уж начальство распорядилось. Видимо, в тот день гаишных машин не хватало. Короче, пришлось мне вечером дежурить вместе с лейтенантом Бурангуловым. Мы патрулировали с ним улицы. За два часа инспектор оштрафовал двоих за нарушение. А ближе к полуночи обогнала нас какая-то белая "Волга". Разогналась не на шутку. Превышение скорости — налицо. "Похоже, пьяный за рулём, — сказал Бурангулов. — Сейчас или аварию сделает, или кого-нибудь задавит. Айда, Мустафа Усманович, догоним!" Сказано — сделано. Я сильнее нажал на газ. У меня тоже была "Волга". Не помню, сколько перекрёстков проехали. Когда мы уже совсем, было, нагнали ту машину, она вдруг выскочила на полосу встречного движения. Ехавшие навстречу прижимались к обочине, уступая ей дорогу. Инспектор кричит в мегафон: мол, водитель белой "Волги", немедленно остановитесь! А тот — ноль внимания. Смотрим, "Волга" уже обгоняет автобус. Тот взял вправо, заехал на тротуар и остановился.

— Обгоняй, быстрее! — завопил лейтенант.

Я насилу догнал и перегнал лихача. Кручу руль то вправо, то влево и постепенно замедляю скорость. В один момент изловчился и, встав поперёк, загородил дорогу. Белая "Волга" резко затормозила и чуть не врезалась в нас.

Мы вышли. Бурангулов осторожно постучал в окошко. Но никто не откликнулся. Он попробовал открыть дверцу. Она была заперта. Лейтенант постучал сильнее, и тогда нам открыли. За рулём оказалась женщина лет пятидесяти. Без головного убора и в дорогой шубе нараспашку. На шее — золотые цепи в несколько слоев, в ушах — увесистые серьги, пальцы унизаны сверкающими кольцами и перстнями. Рядом сидел солидный дяденька того же возраста, что и она, в норковой шапке.

— Чего вам надо? — грубо спросила женщина.

Бурангулов отдал по-военному честь, представился и попросил предъявить права.

— А больше тебе ничего не надо? — с издёвкой спросила она.

Лейтенант, до этого никогда не слышавший такого обращения со стороны нарушителей, сначала растерялся. Но тут заговорил спутник грубиянки.

— Камария, посиди спокойно, — сказал он, вылез из машины и, пошатываясь, подошёл к нам. Вытащив из внутреннего кармана какой-то документ, протянул его инспектору.

— Я — советник юстиции Ямалов. Прокурор этого района. А это моя супруга.

Лейтенант обомлел от неожиданности. Он не знал, как себя вести. Угрозидло же его напоротья среди ночи на пьяного прокурора! С ним-то, может быть, всё ясно. Он показал удостоверение. Задерживать прокурора не положено, и надо бы его отпустить. Даже если доложить об этом начальству, лейтенанту скажут, чтобы он обо всём забыл: мол, ты ничего не видел, а мы ничего не слышали. На том и кончилось бы. Но в том-то и дело, что

за рулём был не сам прокурор, а человек, не имеющий к правоохранительным органам никакого отношения. Пусть это даже и прокурорша. Только ведь муж, конечно же, в обиду её не даст.

— В гостях были... — начал объяснять прокурор. Но тут заорала его жена:

— Нашёл перед кем оправдываться! А ну садись, поехали!

— Я тебя прошу, помолчи, пожалуйста, — попробовал урезонить её тот и повернулся к нам. — Давайте уж как-нибудь уладим этот вопрос, ребята...

Однако Бурангулов решил не сдаваться.

— Прошу меня извинить, товарищ прокурор, но я не могу разрешить ни вам, ни вашей супруге управлять машиной в таком состоянии. Мы ведь видели, сколько было по вашей вине аварийных ситуаций. Вы только чудом избежали гибели. Нельзя же так жизнью своей рисковать!

А уж про то, что по их вине могли погибнуть другие, лейтенант и заикаться даже не стал.

— Ну, и что? Что мы должны, по-твоему, делать? — раздался хриплый голос из салона. — Тащиться пешком через полгорода, что ли?

— Зачем пешком? Позвоните какому-нибудь знакомому, который поблизости живёт. Пускай он вас отвезёт.

— Ишь ты, какой умник выискался! Долго думал?! — всё больше заводилась женщина. — Погоди у меня, с тобой ещё разберутся где надо.

Прокурор снова повернулся к ней.

— Камария, угомонись, пожалуйста!..

Но та вдруг резко повернула ключ зажигания и включила заднюю скорость. Видимо, она слишком сильно нажала на газ, потому что мотор заглох. Женщина ещё раз попыталась завести машину, переключилась на первую скорость, однако, не сумев объехать нашу “Волгу”, ударилась своим бампером в наш бампер и остановилась.

Бурангулов схватился за рацию.

— Товарищ лейтенант, не нужно никому звонить, — умоляюще произнёс прокурор.

Но тот его не послушался, и минут через пять подоспел наряд ГАИ.

— Старший инспектор капитан Азнагулов, — представился один из прибывших. К нему присоединился сидевший за рулём сержант. Они потребовали у женщины водительское удостоверение.

— Ну, что будем делать, товарищ прокурор? — спросил Азнагулов. — По закону мы сейчас должны начертить схему столкновения, а с женой вашей... Кстати, как к ней обращаться?

— Камария Талиповна.

— Так вот, мы должны провести экспертизу, выяснить, выпила Камария Талиповна или нет, составить протокол, а машину вашу отправить на штрафную стоянку.

— Чего-чего?! — угрожающе зашипела не выходящая из салона женщина. — Держи карман шире! Как бы не так! Завтра же вылетит у меня из милиции!..

Ямалов, не выдержав, прикрикнул на жену.

— Замолчи сейчас же, говорю я тебе!

Потом повернулся к Азнагулову.

— Товарищ капитан, давайте сделаем так: я напишу, что к инспекторам претензий у меня нет, а вы сядете за руль и отвезёте нашу машину в гаражный кооператив, который находится рядом с нашим домом. Это недалеко отсюда, минут десять езды.

— Ну, что ж, ладно. Из уважения к работникам прокуратуры сделаем... — сказал Азнагулов, вернул прокурору удостоверение и, пожав ему руку, повернулся к нам. — Лейтенант, мы поедем, а вы пересядете в эту машину и доставите товарищей куда следует.

Сделав распоряжения, он направился вместе с сержантом к своему “узику”.

— Действительно, зачем нам с ними связываться, лютых врагов себе наживать, — прошептал Бурангулов. — Я сейчас пересяду к этой парочке

и поведу машину, а ты, Мустафа Усманович, тихонько езжай за нами. Доведем их до места, а потом уж решим, как быть с бампером.

Когда подъехали к гаражу, прокурор принялся искать ключ. Он даже заставил жену выйти, перетряс её сумочку и обшарил карманы шубы. А когда нашёл, долго возился, пытаясь вставить ключ в замок.

И тогда лейтенант распорядился:

— Мустафа Усманович, я пока посижу, а вы пособиите прокурору. Я забрал у того ключ и без труда отпер дверь гаража.

В этот момент появился откуда ни возьмись сторож.

— Вы кто такие?

— Мы из ГАИ, — сказал Бурангулов, вылезая из белой “Волги”, и протянул мне ключи. — На, загни машину в гараж, а я пока запишу фамилию и адрес этого товарища. Он нам может пригодиться как свидетель.

Сказав это, лейтенант отвёл сторожа в сторону.

Я загнал “Волгу” в гараж. После этого мы простились с прокурором и охранником и пошли к моей машине. Только женщины в тот момент почему-то не было видно.

Где-то через час дежурство наше кончилось. Доставив инспектора до места, я оставил свою “Волгу” в таксопарке и поехал домой.

Когда я уже, расстелив постель, собирался укладываться спать, в дверь постучали. Открыв, увидел милиционера.

— Собирайтесь, вас ждут в РОВД.

Я наспех оделся, и меня увезли.

Проходя по коридору, я услышал женский крик и грязную брань. Это была Камария Талиповна. Столько отборных матерных слов мне не приходилось слышать даже в тюрьме. Она не стеснялась никого, включая стоявшего рядом начальника штаба горотдела внутренних дел. Прокурорша не переставала орать своим грубым, хриплым голосом, не обращая никакого внимания на мужа, который пытался её успокоить.

— Похоже, из-за бампера проблемы, — прошептал лейтенант Бурангулов, прибывший чуть раньше меня.

Но как оказалось, дело было вовсе не в бампере.

Выяснилось, что у прокурорши пропал ридикюль из крокодиловой кожи с большой суммой денег. Она утверждала, что в нем было три тысячи долларов, шесть тысяч рублей и дорогая косметика.

— Ворюги! Морды ментовские! Я всех вас в тюрьме сгною, — орала она. Меня и Бурангулова завели в кабинет на допрос. И допрашивал нас не кто-нибудь, а сам начальник РОВД, его заместитель по кадрам, дежурный ГУВД, дежурный управления личной безопасности. Чуть позже прибыл и заместитель прокурора города.

В кабинете стоял гвалт. Продолжая бушевать, Камария трясла заявлением о пропаже. Собравшиеся начальники по очереди, один за другим, допрашивали нас. Зато прокурору и его жене вопросов никто не задавал.

Один только начальник РОВД посмел заикнуться:

— Камария Талиповна, вам придётся пройти экспертизу на содержание алкоголя в крови.

Но не на ту попал.

— Ха-а!.. На экспертизу?! — взбесилась прокурорша. — Ментов своих выгораживаешь, да? Ничего не выйдет! Я найду на вас управу!

Досталось и мужу.

— Ну, а ты чего застыл?! Не видишь, как тут преступников покрывают?

Тот сидел, низко опустив голову, и молчал.

Заместитель прокурора города потребовал немедленно разыскать виновных и сурово их наказать.

Стали давить на нас с лейтенантом Бурангуловым. Но мы, естественно, отпирались, вины своей не признавали. А допрос всё тянулся. Больше всего досталось мне. Я ведь был последним, кто сидел в той злополучной “Волге”.

Мой напарник сумел отвертеться: мол, когда он подехал к гаражу, вместе с ним в машине сидели оба — и прокурор, и его жена. Не мог же он, дескать, вырвать ридикюль у них из рук.

Я уверял, что никакой сумочки и в глаза не видел, но мне не верили.

А прокурорша разбушевдалась тем временем не на шутку.

— Нечего с ним чикаться! Это он ридикуль спёр! Ещё отказывается. Да у него на лбу написано, что он жулик!

— А у вас на носу написано! — не выдержал тут я.

— Что написано? — удивилась прокурорша.

— То самое, что вы пьяная в стельку.

Ну, та опять в крик:

— Не твоего ума дело, бандюга!

— Да, жалко, что лейтенант пошёл у вас на поводу, не отвёз вашу машину на штрафную стоянку, а вас самих — в вырезвитель. Послушался капитана. Теперь вы, вместо благодарности, пытаетесь взвалить вину на невиновных. А кто знает, может быть, и не было никакой сумочки. Кто же берёт с собой в гости столько денег, — не унимался я.

На этот раз вышел из себя прокурор.

— Значит, по-твоему выходит, что мы врём?! Решил из нас обманщиков сделать, на посмешище выставить? — От возмущения он покрылся красными пятнами. — Да за такие слова я тебя...

— Посмотрите-ка на него, вместо того чтобы сознаться и вернуть ридикуль, он ещё и охаивает нас! — снова набросилась на меня его жена. — Наденьте ему наручники и в камеру!

В этот самый момент в битком набитый кабинет вошёл начальник городского ГАИ. Оказывается, ему сообщили о том, что случилось, когда он был в гостях, на свадьбе. Но несмотря на то, что его оторвали от праздничного застолья, начальник постарался вникнуть в суть дела и задал самый толковый вопрос:

— А вы не могли, Камария Талиповна, выронить свою сумочку возле гаража, когда ключ искали?

Прокурорша как завизжит:

— Да вы за кого нас принимаете?! Мы, что, по-вашему, рехнулись, чтобы такими вещами разбрасываться!

— И всё же, — настаивал начальник ГАИ. — Почему бы нам не съездить прямо сейчас на место и всё как следует не проверить? Может быть, ваша сумочка валяется там где-нибудь в снегу?

Остальные с ним согласились.

И вот среди ночи по улицам города проехал кортеж из восьми машин. Как будто на праздник какой собрались! Едем с сиренами и мигалками, а редкие встречные машины уступают нам дорогу.

Так, целым косяком, явились мы к гаражному кооперативу. Навстречу выскочил перепуганный охранник с фонарём в руке. Пятнадцать человек, скрипя зимними ботинками, начали прочёсывать местность. Но всё без толку: сумочка так и не нашлась.

Стали расспрашивать сторожа: мол, кто открывал гараж да кто загонял туда “Волгу”.

Он указал на меня.

— Я же говорила, у него на лбу написано, что жулик! — злорадствовала прокурорша, напирая на меня. — В тюрьму его! За решётку, немедленно!

— Да ведь я ни в чём не виноват! Никакой сумочки не видел. Если не верите, обыщите мои карманы, машину.

— Как же, ты давно уже всё припрятал куда надо. А ну, говори, где мои деньги, ворюга! Не отдашь — в тюрьге сгниёшь!..

— Камария, не заводись. В милиции ему быстро язык развяжут, — оттащил её от меня прокурор.

После этого меня затолкали в милицейскую машину.

Вот так, на основании одного лишь заявления жены прокурора, стал я подозреваемым. За три часа составили протокол и, как полагалось, объявили мне о моих правах.

— У вас есть адвокат и близкие родственники? — спросили. — Мы им должны сообщить.

— Нет у меня никого, — ответил я.

На рассвете меня посадили в КПЗ — камеру предварительного заключения. Потом я попал в СИЗО, то бишь следственный изолятор, где дожидался суда. Чуть ли не каждый день на допрос водили. Мои сокамерники предупредили, что по 158-й статье мне светят два года.

Как-то раз ко мне привели журналиста из одной большой газеты. Он интересовался моим делом. Я выложил ему всё как есть и заявил, что абсолютно не виновен. Журналист посочувствовал мне, ободрил и ушёл.

День суда помню как сейчас. На остатки денег я, хоть и с опозданием, нанял адвоката. Но тот не смог мне ничем помочь. Куда ему было тягаться с целой оравой обвинителей! Все были настроены против меня: и следователь, и адвокат прокурорши, и начальник следственного отдела, и вызванный в качестве свидетеля Ямалов, и сторож, и судья. Говорили, что я якобы не имел права садиться в машину без хозяина, что в гараж проник с целью кражи, а во время обыска в моей комнате будто бы нашли крупную сумму денег, в том числе долларов.

— Это же мои собственные сбережения. Я копил деньги на квартиру, — пробовал объяснить я.

Прокурорша, которая присутствовала на суде в качестве потерпевшей, услышав мои слова, взвилась:

— Неправда, это мои деньги! Я их узнала. А куда дел мою дорогую косметику? Отдавай, ворюга! Зэк! Мы через газету всю подноготную про тебя узнали. Оказывается, ты уже сидел. Теперь тебя надо не на два, а на семь лет туда засадить!

Я был поражён. Про какую газету говорит эта дрянная баба? Потом узнал, что посетивший меня в тот день журналист накатал статью “Кто сидит в СИЗО?”, в которой изобразил меня грабителем, жуликом и назвал рецидивистом.

Приговор суда просто оглушил меня. Мне впаяли не два года, как я ожидал, а целых пять лет, по 161-й статье. Думаю, большую роль здесь сыграла та самая статья...

Мустафа умолк.

— Да-а... — протянул потрясённый его рассказом Рамазан Галиевич. Он какое-то время молчал, не зная, что сказать. А как только пришёл в себя, схватился за кружку. — Давайте-ка выпьем. И гуляш, наверное, уже остыл.

После этого оба выпили по полкружки пива и закусили мясом.

— Мне ещё ни разу не приходилось закусывать пиво гуляшом, — неожиданно заметил Мустафа.

— Вы же сами от водки отказались. Я предлагал.

— Что поделаешь, раз нельзя.

— Я вас понимаю, — кивнул Тимерханов и, горя желанием услышать историю до конца, нетерпеливо спросил: — Кто же всё-таки украл сумочку? Вы ведь пробовали искать, но не нашли. Не могла же она испариться.

— А её и не крали. Когда я отсидел свой срок и вышел на волю, первым делом захотел установить истину и стал искать Бурангулова. Но не нашёл. Сказали, что из ГАИ он уволился. А вот старика-охранника застать удалось.

Мы с ним поговорили.

— Эй, браток, нет в этой жизни справедливости, — начал он. — Сумочка-та ведь нашлась. Пока вы возились с дверью, а потом машину внутрь загоняли, прокурорша отошла за гаражи, чтобы нужду справить. Там и обронила свою сумку. Я нашёл её весной, когда снег растаял. Столько добра в ней оказалось, просто жуть. Сперва я решил скрыть это от хозяев. Но совесть не позволила. И, откровенно говоря, побоялся. Вон ведь что с вами сделали! В общем, в тот же день отнёс я им находку. Думал, спасибо скажут. Да где уж там! Ещё строго-настроено предупредили: “Не вздумай никому проболтаться, не то пожалеешь”. Даже пытались сунуть мне тысячу. Только я не взял.

— Ну и ну-у... — только и сказал Рамазан Галиевич, тяжело вздохнув.

Сидевшие в кафе мужчины попивали пиво и курили. Но, несмотря на это, дыма в зале почти не было. Видно, кондиционер исправно работал.

Рамазан Галиевич, тоже решив затыннуться, достал сигареты с зажигалкой и выложил их на стол.

— Давайте, Мустафа Усманович, покурим, — предложил он.

— Спасибо. У меня свои есть. Выйдем на улицу?

— Зачем. Посмотрите — все в зале курят.

— Ну, тогда и нам, наверное, можно.

Они не спеша выкурили по сигарете, отпили пива, пожевали кальмаров.

— Ну как, рассказывать дальше? — неуверенно произнёс Мустафа, впросительно взглянув на Тимерханова.

— Конечно, конечно! Мы остановились на том, что вы вышли из тюрьмы... Наверное, сразу в таксисты подались?

— Куда там! В таксопарке мне отказали. Шутка ли — два раза сидел. От меня все шарахались — и приятели, и прежние сослуживцы. К тому же у меня не было ни жилья, ни прописки. Бабушка, у которой я квартировал, к тому времени умерла. А в её доме жили другие люди. Они знали, что я прожил там пять лет. Им было также известно, что меня посадили по навету. И поскольку приткнуться мне было некуда, вошли в моё положение и разрешили пожить у них до осени в сарае. Раскладушку дали.

На следующий день я обошёл всю округу в поисках работы. Один из соседей предложил вырыть у него в саду бассейн. Другой поручил перекрыть баню. Я занимался этим спозаранку, до того, как начнёт припекать, а днём копал бассейн. Вечером снова лез на крышу. Поначалу удавалось поспать не больше пяти-шести часов. И я очень сильно уставал.

После того как вырыл бассейн и заменил крышу, работы не было. А с наступлением холодов жить в сарае уже было невозможно. К тому времени закончились и заработанные за лето деньги. Тогда я отправился в тубдиспансер... Пока сидел, заработал туберкулёз — обычное дело для таких мест. Спросил, возьмутся ли меня там лечить. Взяли. Без всякой прописки. Аж не верилось. Бывают же добрые люди на свете! Медики относились ко мне так же, как и ко всем остальным, лечили на совесть, кормили, ухаживали.

Пролежал я там до Нового года. А когда вышел, понял, что райская жизнь кончилась. Работы нет. Мороз. Тёплых вещей нет, а одежда, которая была на мне, истрепалась. Пришлось скитаться по подъездам домов в районе рынка, ночевать там. Раньше ведь двери подъездов не запирались. Да и бомжам вроде меня в те времена не так много было. Питался в столовых обедами, собирал и сдавал бутылки. Так я познакомился с Сираем и Нуриёй — мужем и женой, тоже бездомными. По их совету в середине января я поехал в Шакшу, в ночлежку.

Это был аккуратный такой одноэтажный дом. Вокруг — чугунная ограда. Меня хорошо встретили. Директор проверил мой паспорт, познакомил с распорядком и предупредил, что не сможет держать меня больше месяца. Администратор попросил заполнить кое-какие бумаги, после чего выдал пижаму, халат и отвёл в комнату.

Здание очень напоминало сельскую больницу. Везде чистота, порядок. В комнатах живут по три-четыре человека. Есть кухня, из удобств — душ и туалет. Персонал: директор, администратор, фельдшер, санитарка, завхоз и сторож. А было нас, бомжей, около сорока.

Ночевал я там в течение месяца.

— Ночевал? — переспросил удивлённый Рамазан Галиевич. — Получается, вы там не жили?

— Не зря же я назвал это заведение ночлежкой. В том-то и дело, что нам разрешалось только ночевать, — с горечью произнёс Мустафа и продолжил. — По утрам все расходились, кто куда: на базар или на заработки. Вечером опять собирались. Те, кому удавалось что-нибудь раздобыть, делились друг с другом перед сном или сами съедали. Готовить на кухне запрещали, но кипятилок было всегда.

Всё бы хорошо, да только ночевать там больше месяца, к сожалению, не полагалось. Директор предупредил меня об этом, как я уже говорил, ещё в самом начале. Можно было разделить этот срок на три части — по десять дней на весну, зиму и осень. Дальше уже нельзя.

В общем, после тубдиспансера я месяц прожил, если можно так сказать, в шакшинской ночлежке. А выйдя оттуда, снова оказался на улице. И всё по новой: холод и голод. Хорошо ещё, что выдали мне напоследок, пусть и неновую, но всё же тёплую одежду.

Куда бы я ни сунулся — на вокзал или в какой-нибудь подъезд — меня отовсюду гнали. Больше недели я так скитался, пока не встретил знакомую пару — Сирая и Нурию. И они, представляете, забрали меня к себе в гости...

Рамазан Галиевич в изумлении уставился на собеседника.

— Да-да, в гости. А жили они в люке на теплотрассе. Откроешь крышку и спускаешься по лесенке. Кубатура невелика: ширина — примерно два с половиной, а длина — три с половиной метра. Только высота побольше будет. Главное, там было тепло, ведь внизу проходят трубы с горячей водой. Хозяйка застелила их сверху старыми досками. Была у них разная утварь — посуда, матрасы с подушками, одеяла. Хоть и старьё, а всё же лучше, чем ничего. Люди добро такое выбрасывают, оставляют возле контейнеров на помойках, не желая держать дома старые вещи или то, что осталось от покойников. А эти подбирают и сносят в свою каморку. У них в “комнате” даже свет был — две керосиновые лампы.

В честь моего прихода хозяйка выставила на ящик, который служил им столом, пару бутылок вина. Ну, мы и выпили, так сказать, за встречу.

И тогда Нурия поведала свою историю.

Она родилась и выросла в деревне, окончила там школу. Поскольку работы в колхозе не было, год прожила на шее матери. Отец спился и умер раньше времени. Ей бы замуж, да не на кого глаз положить. И тогда подалась Нурия за счастьем в Уфу. Ей повезло. Вскоре она обзавелась семьёй. Родила сначала сына, потом дочку. Но постепенно жизнь её пошла кувырком. Стала выпивать. Каждый раз, когда подавала, муж избивал её. Но она всё равно продолжала. И однажды Нурия, на теле которой уже не было живого места от мужних кулаков, плюнула на всё и ушла из дома. Вот так в сорок лет стала она бомжом, то есть человеком без определённого места жительства.

— Рыбак рыбака видит издалека, — вставил своё слово Сирай. — Она сама подошла ко мне, чтобы познакомиться.

— Так оно и было, — подтвердила Нурия. — Я первой с ним заговорила, потому как издалека было видно, кто он. Сирай — тоже деревенский. В Уфу попал так же, как и я: хотел на работу устроиться. Но не смог и уже три года перебивается макулатурой и бутылками. Я рада, что его встретила. Вдвоём полегче. Он, конечно, моложе меня на пять лет. Но мы с ним живём, как муж и жена. Сирай меня не обижает и защищает от других бродяг.

В тот день “застолье” наше затянулось допоздна. Я тоже рассказал им про свою жизнь. Потом Сирай сходил за новой бутылкой, и после того, как её допили, улеглись спать.

Так вот троём дотянули мы до начала мая. Оглядываясь назад, могу сказать, что это было счастливое времечко. Жизнь наша была отлажена. Во сколько бы ни ложились спать, рано ли, поздно ли, поднимаемся наутро спозаранку и отправляемся на свою “территорию”. Копаемся в контейнерах и мусорных ящиках, заглядываем под скамейки, обходим подъезды. Бутылок набирается порядочно.

Не каждый пойдёт ночью в ресторан или в кафе, а особенно молодёжь. Где возьмёшь столько денег! Вот и пристраиваются где-нибудь во дворах на скамейках или в подъездах и выпивают. Нам, бомжам, это только на руку. Сколько недоеденной закуски после таких пирушек остаётся: куски хлеба, колбасы, сыра, ну и, само собой, кучи окурков... А самое ценное — пустые бутылки. Это же наш главный заработок, наши денежки!

Мы дожидаемся, когда народ разведется по рабочим местам, и ещё раз “проверяем” контейнеры. Ведь утром туда выбрасывают скопившийся за сутки мусор. Вот мы и рылись в нём, выискивали то, что годится в пищу, и заполняли большие пакеты, в которых до этого относили бутылки в пункт приёма стеклотары. Не пропускали и выброшенные шмотки.

“Почистив” контейнеры, заходили в магазин, покупали водку, дешёвое вино или одеколон и возвращались “домой”. Как придём, принимаемся за

еду, совмещая обед с завтраком. Мечем на “стол” всё, что добыли. Тут тебе и выпивка, и чёрствый хлеб, огрызки булок, и несвежий торт, изюм или подгнившие яблоки... Напробовался я тогда всякой всячины!

Жаль, что недолго это продолжалось. Кончилась наша лафа!

Однажды, когда мы, набив карманы деньгами и одеколоном, а сумки — жратвой, возвращались, как обычно, к себе, за нами увязался один бомж, знакомый Сирая и Нурии. Звали его Кутдус. Он трижды сидел за кражи и драки.

Мы с ним выпили, разбавив водой тройной одеколон. Пойло быстро ударило всем в голову. Языки стали у нас заплетаться, а Кутдус, давно не знавший женской ласки, начал приставать к Нурие. Вначале Сирай ограничился предупреждением. А тот и в ус не дует — продолжает липнуть к его женщине. И утомился лишь после удара кулаком.

От сигаретного дыма в каморке стало совсем душно, и я выбрался наружу, чтобы подышать свежим воздухом. Но не прошло и трёх минут, как из открытого люка выскочила Нурия.

— Там такая резня!.. Разними их, пока не поздно, — бросилась она ко мне.

Пока я соображал, что к чему, снизу показалась голова Сирая.

— Мустафа, помоги мне... — еле проговорил он, протягивая мне руку, в которой держал окровавленный нож. Лицо у него тоже было в крови.

Я насилу выволок тяжёлого, словно битком набитый мешок, Сирая наверх. Выхватив из его руки нож, я отбросил его в сторону.

— Что стряслось? — спрашиваю.

— Слушай, я ведь порешил негодяя...

— Ты с ума сошёл?!

— Я предупредил его раз, другой. Он меня не послушал...

— Что же нам теперь делать?

— Подождём прямо в люке.

— Как тебе такое в голову пришло! — Я был в отчаянии.

— Только так! Пускай там не останется никаких следов. Нурия, спустись, собери что нужно. И не забудь про газеты в углу.

Та послушалась, но тут же пулей вылетела обратно, успев прихватить при этом кипу газет.

Сирай сложил их вместе, поджёг и сбросил вниз... После-этого мы разошлись. Я пошёл в одну сторону, Сирай с Нуриёй — в другую.

Опросив бомжей и хозяев ближайших домов, участковый быстро вышел на наш след. И уже на следующий день нас задержали.

Как выяснилось, Сирай нанёс Кутдусу шесть или семь ножевых ран. И тот сразу же испустил дух. А от сброшенной в люк горячей кипы газет его тело сгорело, но только наполовину.

Когда следователь брал показания у Нурии, та заявила, что я тоже участвовал в убийстве. Эксперты это подтвердили, поскольку на ноже были обнаружены не только отпечатки пальцев Сирая, но и моих. Узнав об этом, я стал клясть себя за то, что взял в руки нож.

“Я ведь только забрал его из руки Сирая”, — оправдывался я. Но мне не поверили. А Нурия упорно настаивала на своём. Видно, думала, что так ей удастся скостить её сожителю срок. Вот дура баба! Не соображала, что групповое преступление карается гораздо строже.

На суд явилось столько народу, что не всем хватило места. Мы даже подумали было, уж не весь ли город собирался! Оказывается, недавно в газете был напечатан материал “Пожар в люке”. Об этом мне рассказали чуть позже. Автором был всё тот же журналюга, который когда-то ослабил меня в своей статье “Кто сидит в СИЗО?” Хоть бы раз встретился с нами, поговорил бы!.. Так ведь нет, не посчитал нужным. А сведения ему дал, скорее всего, следователь.

Как и в тот раз, его статья сильно повлияла на решение суда. В те времена газетное слово имело почти такую же силу, что и закон. И приговор был очень суровым. Нам с Сираем дали по пятнадцать, а Нурие — восемь лет.

Прервавшись, Мустафа взялся за сигарету и не спеша чиркнул зажигалкой. Рамазан Галиевич тоже приготовился закурить.

После перекура Мустафа раскрыл было рот, чтобы продолжить свой рассказ, но Тимерханов опередил его, спросив:

— Постойте, а на апелляцию подавать не пробовали?

— Пробовал, да какой толк? Решение суда менять не стали. Ещё бы! Убийство, совершенное с особой жестокостью. И потом, кому это надо — возиться из-за какого-то бомжа! Небось, только рады были упечь меня в тюрьму, чтобы одним бродягой в городе меньше стало. Ничегошеньки в мою пользу, зато свидетели обвинения были.

— И куда же вас определили?

— В Салават, в четвёрку — в четвёртую колонию особого режима. А куда отправили Сирая и Нурию, не знаю.

— Что это за колония?

— Для особо опасных преступников: убийц, бандитов, террористов и рецидивистов... В общем, для самых отъявленных злодеев.

— Вай, вай!.. Невинного человека — да в такой ад! — в волнении воскликнул Тимерханов и нервно забарабанил пальцами по столу. — Какой ужас! И вас продержали там целых пятнадцать лет?!

— А как же иначе?..

— Говорят, за примерное поведение иногда сокращают срок...

— Бывает, идут на ослабление режима за хорошие трудовые показатели, за активное участие в общественной работе... Только это не мой случай. Вы ведь уже поняли, что я невезучий по жизни. Неудачник. Да и, честно говоря, не очень-то я стремился на свободу.

— Почему?

— Сами подумайте, что меня ждало на воле. Опять в бомжи? Бродить в лохмотьях в поисках еды, вызывая у нормальных людей отвращение? А тут тебе и крыша над головой, и постель, и кормёжка. Пусть не досыта, но с голоду умереть там не дадут. Хлеб есть, каши — пшёнка, перловка да овсянка, салаты, суп из рыбных консервов или щи. Хотя, конечно, тюрьма есть тюрьма. И каждый привыкает к ней по-своему. Разный там народ. И не только закоренелые злодеи. Встречаются и кающиеся грешники, и сломленные. А что я? Никаких привязанностей — ни семьи, ни детей, ни хозяйства. Какая мне разница, где жить. Зона — дело для меня привычное. В первый срок меня от всего воротило, а за следующие пять лет прошёл “закалку”. Так что я быстро освоился в грязной, душной и вонючей камере, свыкся с атмосферой злобы, коварства, жестокости и беспредела.

— Даже представить себе страшно, чего вы там за пятнадцать лет потерпелись.

— Ну, что вам сказать... Испытание было, конечно, слишком суровое. В камере, где нас было десятка три-четыре, приходилось жить бок о бок со всякими. И не только общаться, но и дружить. Если записать все их прозвища, тетради не хватит. Не каждый поймёт, что они означают. Попробуй-ка угадать, что такое “вертухай”, “шнифер”, “маровихер”, “скокарь”, “елды”, “халамадник”, “пустяник”, “брус”... Одного зовут петухом, другого — бакланом, третьего — дергачом. На зоне так проще общаться. Только я отказался от клички. “Не сердитесь, — сказал. — Мне моя вера не позволяет”. Да уж, повидал я там, одним словом, немало. Всё было — и драки, и убийства, и изнасилования. Ну, и парочки, само собой, были... Не понаслышке знаю, кто такие опущенные. Я уж не буду рассказывать вам подробности, Рамазан Галиевич. Не хочется вспоминать. Да вы наверняка и сами знаете, какая у экзотов жизнь. Сейчас об этом много пишут в газетах и журналах, по телевизору и в кино показывают.

— Да, я в курсе... Ну, а что было потом, когда освободились?

— Видите ли, примерно за год до освобождения случилось со мной непредвиденное. Дело в том, что на зоне разрешается переписка. Мне этим правом воспользоваться не довелось. Но как-то раз вручили письмо. Кому адресовано, непонятно. Конверт, как водится, вскрыт. Достал я, значит, письмо и читаю: “Товарищ! Пишет вам незнакомая женщина. Я не думаю, что

в тюрьме сидят одни лишь отпетые преступники. Среди вас должны быть и хорошие люди. Мне сорок пять лет. Я одинока и бездетна. Есть у меня дом и сад. Если после освобождения вам некуда идти, приезжайте ко мне. Познакомимся. Адрес на конверте. Малика”.

Позже я узнал, почему это письмо без адресата вручили именно мне. Так распорядился начальник. Он сказал: “Передайте осужденному Мустафе Каримову. Ему некуда идти”.

Я решил ей ответить. Подробно описал, как сюда попал. Поблагодарил за доверие и приглашение. В конверт вложил свою старую фотокарточку. И вскоре получил ответное письмо.

Так завязалась наша переписка. Когда до окончания срока оставался месяц, Малика написала мне: “Можно с вами повидаться?” Я призадумался. В общем и целом провёл я за решёткой двадцать два года. Чего только за эти годы не испытал! Возникли проблемы с сердцем. И выгляжу я чуть ли не двадцать лет старше. Словом, испугался, что не приглянусь ей, и ответил: “К сожалению, посторонних на зону не пускают. Через месяц приеду сам”.

— Ну, и как прошла ваша встреча? — бодро спросил Рамазан Галиевич и отпил пива. — Расскажите.

— Значит так. Вышел я на волю и напрямик отправился к Малике в Нижегородку. К счастью, она оказалась дома. Это была среднего роста полноватая женщина с круглым лицом. Чёрные волосы с проседью. Мы очень сдержанно поздоровались. От смущения Малика сначала не знала, как себя вести, потом пригласила меня в комнату, а сама пошла готовить чай. Я достал гостинцы. За столом познакомились поближе. Она рассказала мне про свою жизнь, я — про свою. Замужем Малика никогда не была. Выросла в семье единственной дочерью. Когда родители умерли, осталась в этом доме одна. После окончания училища устроилась поблизости в школу поваром. И сейчас там работает. А когда я спросил у неё, почему не вышла замуж, отшутилась: мол, никто на неё внимания не обращал. Я уж не стал допытываться.

После чая вышел покурить. В голову лезли всякие мысли. Я признался себе, что Малика мне не очень понравилась. Какая-то чужая. Но подумал, что, может быть, постепенно привыкну к ней. Прошёлся по двору. Дом у Малики был небольшой, одноэтажный. Крыт шифером и до того старым, что начал уже зеленеть. Осмотрел я баньку, сарайчик и потемневший дощатый туалет.

Пока ходил, ломал голову. Что же мне делать? Остаться или уйти? А идти-то некуда. И решил попробовать: если Малика согласится, останусь у неё. А там посмотрим. Но, как потом выяснилось, тревожился я понапрасну. Малика не стала скрывать, что приняла меня сразу. Так мы начали с ней жить. А через полгода, привыкнув друг к другу, расписались. Жена прописала меня у себя и помогла устроиться в школу, где сама работала, охранником. На другое я не годился.

Тогда-то, чуть ли не впервые, почувствовал я вкус к жизни. С женой мне повезло. Малика оказалась милой, доброй, сдержанной женщиной, хорошей хозяйкой. Со мной вела себя уважительно, всегда была приветлива. Может быть, именно за эти качества я и полюбил её. Мне захотелось жить полноценной жизнью. За два года нам удалось многое сделать по хозяйству: покрыть дом жестяной кровлей, заменить старый сарай и туалет на новые, подремонтировать баню, обтянуть ограду новой сеткой. Поскольку я был ночным сторожем, днём мог сколько угодно заниматься садом. Растил овощи, зелень, ягоды.

Сам не заметил, как пролетели восемь лет. И хотя здоровьем своим похвастаться не могу, за эти годы я узнал, что такое настоящее счастье. Да вот только недолго оно продлилось.

— Как же так?

— Видите ли, через восемь лет нашей совместной жизни Малика трагически погибла.

— Ничего себе! А что случилось?

— Как-то поехала она в выходные в Сипайлово на рынок, чтобы купить себе сапожки. На обратном пути села в “Газель” рядом с водителем. А вы

ведь знаете, какие лихачи эти водители маршруток. Уже на спуске к Нижегородке их микроавтобус столкнулся с грузовиком. Погибли три пассажира. И среди них — Малика.

— Нда... — задумчиво промолвил Рамазан Галиевич, покачав головой. — Какой ужас!

— Уже скоро год, как я живу один.

— Не думали ещё раз жениться?

— О чём вы говорите?! Я сам кое-как держусь. Когда Малики не стало, сердце совсем из строя вышло.

После этого наступила длинная пауза. Рамазан Галиевич с рассеянным видом зажгёт сигарету и поднёс её ко рту. Вслед за ним закурил Мустафа.

— Именно эту историю вы мне и хотели рассказать? — спросил после пары затяжек Тимерханов.

— Именно.

— А как сложилась судьба у Гульсии? Вам известно о ней хоть что-нибудь?

— Немного. Лет пять тому назад встретил я как-то случайно на улице одного земляка. От него узнал, что Гульсия разошлась с мужем, когда я ещё первый срок мотал, и уехала в Сибирь. Вот и всё, с тех пор о ней — ни слуху ни духу. А Раис женился на другой, — сказал Мустафа и, вдруг оживившись, выдал: — Да, кстати. Я ведь выведал фамилию того самого журналиста. Так и хочется пойти к нему и плюнуть прямо в лицо.

— А как узнали-то?

— Пошёл в республиканскую библиотеку, просмотрел подшивки старых газет за те годы, нашёл и записал. Зовут его Галимьян Курманаев.

— А?! — Рамазана Галиевича будто громом поразило.

— Что это с вами? Вы его знаете?

— Да нет... Но фамилия мне вроде бы знакома.

Мустафа вполне удовлетворился его ответом и, отложив сигарету, поднял кружку.

— Давайте-ка допьём наше пиво, — предложил он. Поговорив ещё немного, мужчины засобирались домой.

Когда они, расплатившись с Азалией, выходили на улицу, Тимерханову пришла неожиданная мысль.

— Мустафа Усманович, — обратился он к спутнику. — Можно я вас провожу?

— До Нижегородки, что ли?

— А почему бы и нет?

— Ну что вы, Рамазан Галиевич. Не стоит беспокоиться. Я сам доеду.

— Я не шучу. Вы рассказали про свою жизнь, и мне захотелось взглянуть на ваш дом. Пойдёмте на стоянку. Вон таксисты нас ждут...

— Пускай ждут. Зачем деньги на ветер бросать...

— Ладно, ладно, Мустафа Усманович, это мои проблемы, — по-дружески похлопал его по плечу Тимерханов.

Вскоре они подошли к стоящим впереди “Жигулям”, сели и уехали.

Примерно через месяц после их последней встречи, в понедельник, в кабинет к Тимерханову заглянул Гали Курманай.

— Здравствуйте, Рамазан Галиевич. Как поживаете?

— Нормально, — сухо ответил тот на приветствие.

— Вот, пришёл за буклетами. Говорят, они были готовы ещё на той неделе. А вы почему-то меня не известили.

— Понимаете, тут такая суета. Совсем запарился. Главное — буклеты уже есть...

— Есть-то есть, да мне не терпится взглянуть.

Рамазан Галиевич потянулся за свёртком на соседнем столе, достал оттуда один буклет, молча протянул его Курманаеву и уставился в лежащую перед ним бумагу.

Гали Курманай, даже не присев, принялся внимательно его изучать.

— Отлично! — заключил он с довольным видом, закончив, и положил буклет на стол. — Даже не ожидал, что так здорово получится. Удачный макет, спасибо. Я могу взять часть?

— Забирайте хоть всю пачку.

Гали Курманай с недоумением посмотрел на консультанта.

— Рамазан Галиевич, что с вами? Вы сегодня не такой, как обычно. Случилось что-нибудь?

— Я же вам сказал — очень много работы. Такая запарка! — откликнулся Тимерханов, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Понимаю, тогда не буду вас больше отвлекать, — заторопился Курманаев. — Дайте мне мою долю, и я пойду.

Но Рамазан Галиевич решил удержать его.

— Гали-агай, присядьте, пожалуйста. У меня есть к вам один вопрос.

Тот послушно сел.

— Фамилия “Каримов” вам ни о чём не говорит?

— Да как сказать... — растерянно пожал плечами Курманай, сиюсья вспомнить. — Каримовых много. Кого конкретно вы имеете в виду?

— Мустафу Усмановича Каримова.

— Мустафа, Мустафа... Вроде припоминаю.

— Лет тридцать тому назад вышла статья “Кто сидит в СИЗО?”. Вы её автор?

— Да, да, вспомнил. Было такое дело. А зачем вы спрашиваете?

— Зачем спрашиваю, говорите... Насколько мне известно, вы занимались сельскохозяйственными темами.

— Верно. Ну, и что?

— А зачем же тогда взялись за криминал? И почему выбрали именно СИЗО?

— Так решил редактор. Гатауллин, который писал на эти темы, был тогда в отпуске. Вот мне и поручили сходить в следственный изолятор и срочно подготовить материал.

— А вы не поинтересовались, почему так срочно?

— Конечно. Редактора попросил об этом его знакомый прокурор по фамилии Ямалов. Сказал, что мы уделяем мало внимания работе правоохранительных органов и проблеме преступности.

— Почему же вы выбрали именно Мустафу Каримова?

— Редактор велел. Он дал мне конкретное указание, назвал фамилию.

— Ну, а статью “Пожар в люке” помните?

— Помню.

— Хотите сказать, её вы тоже по заданию редактора написали?

— Естественно! Он вызвал меня к себе и сказал: “Звонил прокурор Ямалов. Оказывается, тот самый Мустафа Каримов, про которого ты писал, совершил ещё одно преступление. Да пострашнее первого. Он зверски убил и сжёг человека. Немедленно отправляйся за материалом”. Не моя это тема, но что поделаешь. Как говорится, хозяин — барин...

— Вы хоть встречались с тем преступником, побеседовали с ним?

— Нет, меня к нему не пустили. А сведения дал следователь, который вёл его дело.

— Получается, что вы, когда писали свою статью, опирались только на них?

— Да. Но я не понимаю, зачем вы затеяли этот разговор, вспомнили про давнишние мои статьи.

Рамазан Галиевич проигнорировал этот вопрос. Он протянул Курманаю свёрток с буклетами и сказал:

— Забирайте всю пачку. Вы же сами за них заплатили.

— А себе разве не оставите?

— Это не обязательно.

Вконец растерявшийся Гали Курманай нерешительно поднялся со стула, постоял немного и двинулся к выходу. Остановившись перед дверью, он обернулся.

— Чуть не забыл, Рамазан Галиевич. Я решил отпраздновать свой юбилей в ресторане “Батыр”. В эту пятницу, начало — в 17 часов. Приглашенный занесу в четверг. Если вас не будет на месте, машинистке оставлю. Приходите вдвоём с килен. Только не опаздывайте. Ладно? До свидания!

— До свидания!

Кое-как дождавшись, когда посетитель выйдет, Тимерханов порывисто вскочил с места и в волнении стал шагать по кабинету туда-сюда. “Вот тебе и Гали Курманай, наш уважаемый писатель!” Рамазан Галиевич просто не мог в этой ситуации обойтись без сигареты и отправился во внутренний дворик, продолжая переваривать свои впечатления. “Зачем ему было братья за чужую тему? А уж коли взялся, надо было хорошенько изучить материал. Подумал бы, как отзовутся его статьи на судьбе обвиняемого. Они ведь и в самом деле повлияли на решение суда, отправившего за решётку совершенно безвинного человека, причём дважды...”

Размышляя таким образом, Рамазан Галиевич вдруг спохватился: а куда пропал Мустафа? Почему столько времени не звонит? Я бы сам позвонил, да у него нет телефона. Надо будет съездить к нему, как только освобожусь немного. Где-то в конце недели.

Приняв решение, Тимерханов докурил сигарету и вернулся в кабинет.

В пятницу, во время обеденного перерыва, Рамазан Галиевич сел в маршрутку и доехал до остановки, находившейся недалеко от того места, где проживал Мустафа. А вот и его дом с жестяной крышей. Месяц тому назад Тимерханов довёз сюда Каримова на такси. Тот пригласил его в дом. Приятели поговорили за столом, чаю попили. Потом Рамазан Галиевич уехал...

Калитка оказалась запертой. Тимерханов долго стучался, но никто так и не откликнулся. Тогда он попробовал позвать хозяина, и на его зов из дома напротив вышла пожилая женщина.

— Вы к Мустафе? — спросила она. — Да.

— Так его нет.

— А где он?

— Мустафа умер. Уже полмесяца прошло.

— Умер?!.. — вскрикнул Рамазан Галиевич.

— От инсульта. Свалился прямо у себя во дворе. Я это дело увидела и вызвала “скорую”. Только вот спасти не смогли. Через пару часов, после того как в больницу привезли, скончался.

— Где его похоронили?

— Кто знает... Близких у него не было. А таких, как он, морг вроде бы сам хоронит.

Вне себя от потрясения, Рамазан Галиевич вернулся на остановку и вскоре уехал. Выйдя из автобуса, он пошёл в столовую, чтобы пообедать. Но в таком состоянии кусок в горло не лез.

После обеда Тимерханов направился к месту работы, но поднялся к себе не сразу. Он зашёл во внутренний дворик и пробыл там достаточно долго. Рамазан Галиевич никак не мог прийти в себя от оглушительной новости. В голове роились разные мысли и образы. Он видел перед собой лицо Мустафы, вспоминал эпизоды из его рассказа. И потом, пройдя в кабинет, был не в состоянии на чём-либо сосредоточиться. Так и просидел два часа кряду в оцепенении за столом. А когда опомнился, забрал у машинистки оставленное для него накануне приглашение и покинул здание Союза.

Доехав на трамвае до Центрального рынка, он пошёл не направо, в сторону своего дома, а к подземному переходу, решив навеститься в “Уньш”. Войдя в кафе, Тимерханов напрямик направился к четвёртому столу, за которым в последний раз сидел вместе с Мустафой. Заметив его, подоспела официантка Азалия.

— Здравствуйте, Рамазан Галиевич, как поживаете?

— Спасибо, милая, хорошо.

— Что-то вид у вас нездоровый. Приболели?

— Да нет. Я с работы. Устал немного.

— Будете пить своё любимое пиво?

— Как обычно.

— Закажете на двоих? Ваш друг, наверное, тоже скоро подойдёт. Уж больно долго вы с ним в тот раз сидели.

— Да, да. Принеси парочку, — машинально сказал Тимерханов.

Азалия появилась через несколько минут, принесла на подносе две кружки пива и тарелочку с копчёной рыбой.

— Вот ваш заказ, пожалуйста.

— Спасибо, родная!

Как только официантка отошла, Рамазан Галиевич взял вилку, хотел по обыкновению протереть её, но вазочка для салфеток оказалась пустой. И тогда он достал из кармана чистый носовой платок. А вместе с ним выпал пригласительный билет. Тимерханов нагнулся, поднял его с пола, скомкал и, поскольку урны поблизости не оказалось, вынужден был сунуть его обратно в карман. Посмотрев на часы, он сказал себе, что банкет по случаю семидесятилетия Гали Курманая начался уже около часа тому назад.

Рамазан Галиевич долго не сводил глаз с кружек, стоявших перед ним. Через некоторое время он поднял одну из них и, глядя на другую, проговорил вполголоса: “Ну, ладно, Мустафа, пусть земля тебе будет пухом, а душа успокоится и блаженствует в раю...”

Перевод с башкирского Гузэль Хамматовой.